

Глава 34. Признание

Лю Хао три дня кряду костерил Лу Чжаньбая на чём свет стоит. Орал на весь офис, что этот чистоплюй — конченный ублюдок, привыкший смотреть на людей как на грязь под ногтями. В порыве праведного гнева он даже поклялся расшибиться в лепёшку, но подняться так высоко, чтобы больше ни одна тварь не смела воротить от него нос. Ли Шэнъань лишь молча слушал эти излияния. В глубине души он надеялся, что парень действительно возьмётся за ум, а не позабудет свои громогласные клятвы уже на следующее утро.

Сам Чжаньбай тоже проявил благоразумие и носа в компанию не совал. Появись он на пороге — и Хао-цзы наверняка полез бы в драку, а Шэнъань ничем не смог бы ему помешать. По правде говоря, тот день рождения прошёл отлично. Он искренне старался, собственноручно готовил угощения и, должно быть, сам остался доволен праздником. Беда лишь в том, что и он, и Лю Хао — упрямые, несдержанные юнцы, не умеющие держать язык за зубами и вовремя умирять гордыню.

Единственным, кто сохранил холодную голову и сразу почуял неладное, оказался Ян Сяотянь. Дождавшись подходящего момента, он без обиняков спросил у друга, что за странные отношения связывают его с братом и сестрой Лу.

Отпираться и лгать Сяотяню не имело смысла.

Чжаньлань действительно призналась ему в чувствах. Глупо отрицать очевидное — Шэнъань был бы последним лжецом, заявив, будто такая девушка его нисколько не трогает. Порой она и впрямь заставляла его сердце биться чаще. Но горький опыт прошлого и непреодолимая пропасть между их мирами заранее предрекали этим отношениям крах. Зачем же слепо бросаться в омут, зная, что впереди ждёт лишь неизбежная катастрофа? К тому же образ Юньи всё ещё не угас в его памяти. С подарком же вышла совсем нелепая история. На рабочем столе Шэнъаня давно пылилась деревянная фигурка — одинокий силуэт. Когда-то давно, в пору их счастья с Юньи, он вырезал парный деревянный сувенир, запечатлевший их вдвоём. Уходя, любимая забрала свою половину, оставив его коротать дни в одиночестве. И надо же было такому случиться, что в день рождения Чжаньлань какая-то неведомая сила толкнула его под руку — он завернул эту сиротливую статуэтку в праздничную бумагу и преподнёс ей в качестве подарка.

Отношения с Лу Чжаньбаем Шэнъань тоже скрывать не стал, выложив всю подноготную без прикрас. Пока он говорил, Сяотянь бледнел, покрывался испариной и смотрел с ужасом и глубокой тревогой.

— Но почему ты терпишь всё это? — едва сдерживая дрожь в голосе, выдохнул Сяотянь. — Зачем позволяешь ему так с собой обращаться?

Он лишь горько усмехнулся:

— А у меня есть выбор? Убить его? Стереть в порошок? Сам понимаешь, это исключено.

Остаётся только терпеть. Я слишком многим дорожу в этой жизни, чтобы рубить с плеча.

Сяотяню оставалось лишь бессильно развести руками. Он знал Шэнъяня сто лет и прекрасно понимал его характер: этот человек никогда не жаловался. Сносил любые удары судьбы, бережно прятал обиды и боль в самый тёмный уголок души, но для близких всегда оставался надёжной опорой, отдавая последнее. Он думал о ком угодно, только не о себе. И почему судьба так безжалостна к тем, кто заслуживает счастья больше прочих? Почему его путь усеян исключительно терниями, от которых щемит сердце?

На немой вопрос Сяотяня о том, как жить дальше, Шэнъянь не нашёл ответа. Просто плыть по течению, проживая день за днём. Кто знает, что принесёт завтрашний рассвет.

Ближе к вечеру на Шэньчжэнь обрушился яростный ливень. Потоки воды низвергались с небес сплошной стеной, грозя затопить городские улицы. Шэнъянь переступил порог квартиры, когда стрелки часов уже миновали восемь. Наскоро поужинав и прибрал на кухне, он устроился в спальне с книгой, пытаясь отвлечься от тяжёлых дум. Внезапный резкий звонок телефона заставил его вздрогнуть. На том конце провода раздался прерывистый голос Чжаньлань: она стояла внизу, прямо под его окнами.

Схватив зонт, Шэнъянь опрометью бросился вниз. Выбежав на улицу, он замер: у бетонного парапета клумбы, прямо под безжалостными струями ливня, стояла Чжаньлань. Ни зонта, ни дождевика. Тонкое платье промокло насквозь и облепило тело, тёмные пряди волос хаотично прилипли к лицу и лбу. Её глаза казались лихорадочно красными, а по бледным щекам непрерывными ручьями сбегала влага — и невозможно было разобрать, холодные ли это капли дождя или горячие слёзы.

Раскрыв зонт на ходу, он подбежал к ней и крепко схватил за ледяную руку.

— Чжаньлань, ты с ума сошла?! Зачем стоять под таким дождём? Быстрее, пойдём в подъезд, ты же промокла до нитки!

Он потянул её к козырьку дома, но она упрямо застыла на месте.

— Не пойду! — вскричала она, яростным движением вырвав руку и выбив зонт из его рук.

Тот отлетел в сторону, и оба мгновенно оказались во власти разбушевавшейся стихии.

Шэнъянь опешил, смывая набегающие на лицо потоки воды.

— Что случилось? Опять брат наговорил лишнего? Пожалуйста, давай поднимемся в тепло, а там всё обсудим. Ты же заболеешь!

— Да мне плевать на эту жизнь! — её надрывный крик едва заглушал шум падающей воды. Она

задышалась от слёз и судорожно вздрагивала. Обессиленная, она опустилась прямо на мокрый асфальт, обхватив голову руками. — Оставь меня! Пусть я сдохну здесь, просто дай мне умереть!

Не в силах выносить это зрелище, он опустился рядом, обхватил её за подрагивающие плечи и рывком поднял на ноги, заставляя посмотреть себе в глаза.

— Чжаньлань, умоляю, прекрати! Что стряслось? Мне невыносимо видеть тебя в таком состоянии. Моё сердце кровью обливается, глядя на то, как ты себя изводишь!

— Шэнъань... скажи мне... это правда? Скажи, что это ложь! — сквозь рыдания выдавила она, вглядываясь в его залитое дождём лицо.

— О чём ты? — внутри у него всё сжалось от дурного предчувствия.

— Брат... он рассказал мне всё! — её голос сорвался на шёпот, полный непереносимой боли. — Он признался, что любит тебя. И что вы... вы были вместе... в ту самую ночь!

В вышине с оглушительным треском разорвался грозовой раскат. Молния на мгновение выхватила из темноты их силуэты, а за ней последовал тяжёлый, давящий гул небес. Но для Шэнъаня этот грохот прозвучал прямо в груди, отдаваясь нестерпимой болью. Мир вокруг сузился до размеров этой кошмарной секунды, наполняясь удушающей безысходностью и липким отчаянием.

Он безвольно опустил руки. Будто парализованный, он стоял посреди бушующей бури, не в силах пошевелить ни единым мускулом. Лицо его застыло маской.

— Ответь мне! Это правда?! Ну же, не молчи! — Чжаньлань сорвалась на истошный крик, хватая его за мокрую рубашку и отчаянно тряся.

— Да, это правда, — его надтреснутый, едва слышный голос прозвучал тише шороха падающих капель.

Слёзы обожгли ему веки, но холодный ливень мгновенно стёр их с лица, не оставив и следа от минутной слабости. Его скрутило от тупой, всепоглощающей тоски.

Чжаньлань заколотило в сильном ознобе. Она посинела от холода и шока, и хаотично мотала головой из стороны в сторону, словно она пыталась прогнать наваждение.

— Но почему?! За что мне всё это?! Как вы могли так со мной поступить?! Что мне теперь делать, господи, что делать?! — впав в настоящее безумие, она принялась колотить кулаками по его груди, вкладывая в каждый удар всю свою боль и обиду.

Шэнъань резко перехватил её запястья, останавливая эту бессмысленную истерику. Он прижал её руки к своей груди и сдавленно произнёс:

— Чжаньлань, выслушай меня, прошу! Всё было совсем не так! Твой брат подсыпал мне снотворное в бокал. Я этого не хотел! Меня принудили, понимаешь?! Это было насилие!

Удары прекратились. Она замерла, медленно поднимая лицо. Она с робкой надеждой посмотрела на него сквозь слёзы.

— Правда?.. Ты не лжёшь? Это он... это он заставил тебя? Значит, ты ничего к нему не чувствуешь? Совсем ничего?

— Клянусь тебе, это чистая правда, — выдохнул он и крепко прижал её к себе, пытаясь защитить от ледяного ветра.

— Тогда скажи... я тебе нравлюсь? Ты любишь меня? Ведь именно ко мне ты что-то чувствуешь, да? — уткнувшись ему в плечо, со слезами допытывалась она.

«Нравишься ли ты мне? Конечно, глупенькая. Если выбирать между тобой и твоим безумным братом, ты для меня во сто крат дороже. Во сто крат ближе».

Не дождавшись мгновенного ответа, Чжаньлань вновь забилась в его руках, силясь вырваться. Её голос сорвался на визг:

— Ты молчишь?! Значит, нет?! Я тебе безразлична?! Всё это время тебе было плевать на меня?!

— Нет-нет, тише! Я люблю тебя! Слышишь? Люблю! — он сжал объятия ещё крепче, шепча эти слова ей на ухо, словно пытаясь уберечь от нового приступа паники.

— Правда?.. — она притихла, всматриваясь в глубину его потемневших глаз.

— Правда, — твёрдо ответил Шэнъань.

Она обхватила его руками за шею с такой неистовой силой, словно утопающий, ухватившийся за спасательный круг. В этот миг ей хотелось лишь одного — чтобы время замерло, оставив их в этих мокрых, холодных, но таких желанных объятиях навсегда.

— Но как же... — нарушила она тишину спустя несколько долгих минут, и в её голосе вновь прорезались нотки растерянности. — Как быть с Чжаньбаем? Он ведь уверяет, что бредит тобой. Твердит, что без тебя его жизнь лишена смысла, что он покончит с собой, если ты уйдёшь. Шэнъань, что нам теперь делать?

— Между нами никогда ничего не будет, — отрезал он, и он судорожно сжал челюсти. — И никакая это не любовь. Он просто одержим мной, как новой игрушкой.

Она долго вглядывалась в его лицо, изучая каждую черту. Ловила глазами потоки воды, смывающие следы его безмолвных слёз, видела глубокую усталость и надлом, скрытые за напускной суровостью. Вся его измученная фигура вызвала в ней щемящую нежность.

— Прости меня... — прошептала Чжаньлань, коснувшись ладонью его щеки. — Господи, прости нас обоих! Из-за безумия моего брата тебе пришлось пережить такой кошмар. Позволь мне искупить его вину. Позволь мне залечить твои раны. Шэнъань, я ведь действительно люблю тебя. Больше жизни люблю.

Наконец Шэнъаню удалось увести её в дом. Он заставил её принять горячий душ, а сам тем временем отыскал в шкафу свои домашние вещи — безразмерные на её хрупкой фигуре штаны и футболку. Когда она, согревшись, вышла на кухню, он налил ей дымящийся чай.

— Переведи дух, Чжаньлань. Твои вещи пока подсохнут в сушилке. Как только всё будет готово, я отвезу тебя домой.

— Хорошо, — тихонько кивнула она, обхватив чашку ладонями. Её взгляд скользнул по скромной обстановке гостиной, задерживаясь на мелочах. — А у тебя здесь уютно. Ты давно живёшь один?

— Не всегда, — мягко улыбнулся он, присаживаясь напротив. — Раньше мы делили эту квартиру с ребятами из компании. Потом на какое-то время приезжал отец, а когда он вернулся домой, я остался один.

— Вот как... — девушка слабо улыбнулась в ответ. — Позволишь взглянуть на твою комнату?

— Конечно, почему нет, — он поднялся и жестом пригласил её следовать за собой.

Спальня оказалась совсем небольшой и обставленной без излишеств. Аккуратно заправленная кровать, рабочий стол с лаконичной настольной лампой, старенький проигрыватель компакт-дисков с колонками да ворох рабочих папок. Но главным украшением комнаты были книги — они занимали всё свободное пространство, громоздясь на полках от пола до потолка. Чжаньлань прошла вдоль стеллажей, кончиками пальцев касаясь корешков, вытянула один из томов и с удивлением обернулась:

— Ты интересуешься юриспруденцией? Тут почти всё о праве и законах.

— Есть такой грешок, — негромко рассмеялся он, прислонившись к дверному косяку. — В детстве я спал и видел себя грозным прокурором, карающим преступников направо и налево. В университете изучал международное право. Любовь к этому делу осталась до сих пор, так что

на досуге перечитываю старые фолианты, чтобы мозг не застаивался.

— Кто бы мог подумать! — искренне рассмеялась она, и на её щеках впервые за вечер проступил живой румянец. — Преуспевающий бизнесмен Ли Шэнъянь в душе грезит судейской мантией! Впрочем, тебе бы пошло. Представляю, как эффектно ты бы смотрелся в суде. Из тебя вышел бы самый неподкупный, грозный и, без сомнения, самый привлекательный прокурор на свете.

— Издеваешься над моей несбывшейся мечтой? — шутливо сощурился он. Подвинув ей стул, он подождал, пока она присядет, и устроился рядом на краю кровати.

— И всё же, почему ты бросил учёбу? — её тон вновь стал серьёзным. — Что помешало тебе пойти по этому пути дальше?

— Сложный вопрос... — он замялся, подбирая слова, но скрывать правду не стал. — В те годы в семье начались серьёзные проблемы, да и в самом университете я умудрился влипнуть в неприятную историю. В итоге пришлось забрать документы.

— Понимаю... — сочувственно вздохнула Чжаньлань. — Как жаль. Действительно очень жаль.

Они проговорили почти до глубокой ночи. Чжаньлань расспрашивала обо всём подряд, жадно ловя каждое слово и открывая для себя совершенно нового Шэнъяня. С каждой минутой её женская интуиция крепла, перерастая в твёрдую уверенность: перед ней стоял тот самый мужчина — сильный, надёжный, способный защитить её от любых жизненных бурь. Её единственная, выстраданная истинная любовь.

<http://bllate.org/book/18227/1761029>